

«Оловянный» путь, связывавший греческий мир с далекими северными окраинами Европы, имел большое значение для греков. Он сыграл важную роль как в экономике Эллады, так и в развитии научных представлений греков о мире, способствовал развитию их географической мысли. С другой стороны, на примере этого пути мы вновь видим, какой значительной была роль «варварской» периферии: «оловянный» путь не только был создан совместными действиями греков и «варваров», но и изменения в «варварском» мире привели к изменениям направления этого пути, что, в свою очередь, не могло не оказать влияния на греческую экономику, политику и науку.

Ю. Б. Циркин

THE TIN ROUTE AND THE NORTHERN TRADE OF MASSALIA

by Yu. B. Tsirkin

Information about the existence of a trans-Gallic tin route comes from Strabo and Diodorus, who both drew on Posidonius. But the earliest references to the tin connection with Bretania are found in Timaeus. Archaeological evidence indicates that a tin route from Bretania to Massalia existed as early as the first half of the sixth century B. C., soon after this Phocaean colony was founded.

Hecataeus and the source of Avienus's poem *Ora Maritima*, which goes back to the end of the sixth and beginning of the fifth centuries B. C., attest to ties between Massalia and Gaul at that time. Archaeological data, including material found in Vix, indicate ties between the Gallic hinterland and Massalia, and not Etruria. Etruscan importations become frequent in these parts only from the end of the sixth century. Comparison with excavation results in northern Italy excludes the possibility of a route between Adria and Vix.

The trans-Gallic tin route arose in the early sixth century, when the founding of Massalia coincided with intensive progress in the social differentiation of the Celtic tribes.

The testimony of Strabo and the archaeological evidence show that there was both a Rhône — Loire and a Rhône — Rhine tin route (excavations at Heuneburg are of great significance for the latter route.).

Amber must have been brought to Massalia as well as tin by this route. This is attested by amber finds at several points along the tin route and by the name Eridanus sometimes applied by Greek authors to the Rhône. In exchange for these goods the Massaliote traders sent the Celts wine and products of handicraft, in particular pottery.

At the end of the sixth and beginning of the fifth centuries the centre of development in the Celtic world shifted, which resulted in the first wave of Celtic invasions into southern Gaul and the destruction of several Ligurian settlements north of Massalia. This led to a break in contacts between the Massaliotes and the Celts and the disruption of the then existing tin route. After that the Etruscans became the chief trading partners of the Celts. The Greeks got tin from the Etruscans, to a considerable extent through their north Adriatic colonies. Hence the removal of the legendary Eridanus to northern Italy and Herodotus's ignorance of the extreme western parts of Europe.

Massalia did not resume trade with the Gallic hinterland till the fourth century B. C. Interest in reviving this trade was apparently the main reason for the expedition of Pytheas. The plan succeeded: Posidonius refers to trans-Gallic tin routes existing in his days. These routes coincide with the sixth century Rhône-Saône-Seine and Rhône—Loire routes.

К ВОПРОСУ ОБ ОРИЕНТАЛИЗИРУЮЩЕМ СТИЛЕ В ИСКУССТВЕ АРХАИЧЕСКОГО КОРИНФА

В период сложения рабовладельческих полисов в Греции, сопровождавшийся интенсивным развитием экономики и усилением внешних связей, Коринф выдвинулся в число крупнейших художественных центров Пелопоннеса. Историческая традиция приписывает коринфским мастерам «познание» живописи, скульптурно украшенного фронтона храма, пластических архитектурных украшений¹. Однако основными материалами, которыми мы располагаем для изучения раннеархаического искусства Коринфа, являются произведения мелкой пластики, торевтики и вазовой живописи². В настоящее время можно считать установленным, что Коринф являлся центром производства «протокоринфской» керамики, найденной в большом количестве при раскопках Коринфа и находящихся в его владении святилищ Перакхоры³.

Стиль коринфской вазописи и пластики конца VIII — середины VI вв. до н. э. в науке принято называть ориентализирующим, однако при детальном изучении и сопоставлении коринфских и древневосточных произведений трудно разграничить и выявить определенные восточные художественные влияния. Это особенно характерно для произведений раннеориентализирующего (раннепротокоринфского) периода⁴. К этому времени относятся мелкие сосуды (арibalлы), а также амфоры, ойнохои и вазы других форм (наибольшее количество раннепротокоринфских vaz происходит из древнейших греческих колоний Кум и Сиракуз). В Эрмитаже и ГМИИ представлено несколько арibalлов последней четверти VIII в. до н. э. (рис. 1, 2)⁵. Сравнив эти сосуды с геометрическими, можно убедиться в том, что в керамике не только появляется новая форма — арibalл⁶, но и новые принципы орнаментации, отличные от геометрических. Облик vaz становится более легким, в то время как на более ранних сосудах роспись, сконцентрированная на плечиках, сочеталась с покрытой темным лаком нижней частью vazы, теперь сосуды опоясываются тонкими полосами и покрываются лаком только у основания. В росписях используются новые декоративные мотивы — лучи, лепестки,

¹ P l i n ., NH, 35, 15—16, 154; P i n d., Ol. XIII, 20; H. P a u n e, Necrocorinthia, Oxf., 1931, стр. 250 сл.

² К 640—630 гг. до н. э. относятся наиболее ранние произведения греческой монументальной живописи — расписные метопы храма Аполлона в Ферме, несомненно, исполненные коринфскими мастерами (H. P a u n e, On Thermon metopes, BSA, 27, 1925—26, стр. 124 сл.). Наиболее ранние произведения архаической монументальной скульптуры относятся к середине VII в. до н. э. (R. J. H. J e n k i n s, Dedalica, Camb. 1936, стр. 49—50, 67 сл.).

³ Corinth, v. VII, 1. Harvard Un. Press, 1943, стр. 33 сл.; Corinth, v. XIII, Princeton, 1964, стр. 50 сл.; Perachora, v. I, Oxf., 1940, стр. 192 сл.; Perachora, II, Oxf., 1962, стр. 4 сл. Об истории изучения протокоринфской керамики и гипотезах относительно возможных центров ее производства см. R. M. S o o k, Greek Painted Pottery, L. 1960, стр. 310 сл.; см. также S. W e i n b e r g, рец.: Perachora, II, AJA, 1963, 67, 4, стр. 425. В настоящее время термин «протокоринфский» употребляется как определение стиля коринфской вазописи раннеархаического периода (725—640 гг. до н. э.).

⁴ 725—700 гг. до н. э. Хронология протокоринфских vaz разработана К. Ф. Похан-сенем (Les vases sicyoniens, Paris — Kopenhagen, 1923) и X. Пэйном (Necrocorinthia, passim; он же, Protokorinthische Vasenmalerei, B., 1933, стр. 20) в соответствии с записями Фуксидом датами основания сицилийских колоний; датировки периодов, предложенные Пэйном и модифицированные С. Вейнбергом (Corinth, v. VII, 1, стр. 33 сл.), являются общепринятыми.

⁵ Эрмитаж, Б. 1130, поступил в 1852 г. из собрания Лаваль. Выс. 7,5 см. (L. S t e p h a n i, Die Vasensammlung der Kais. Ermitage, St. Petersburg, 1869, № 1411); Б. 3390, передан в 1924 г. из музея Штиглица (подарен Шлиманом в 1886 г.). Выс. 7,7 см.; Б. 1129, поступил в 1852 г. из собрания Лаваль. Выс. 6,3 см. (S t e p h a n i, ук. соч., № 1416). Сосуды из собрания Лаваль, вероятно, найдены в Италии; «Античное искусство». Каталог ГМИИ», М., 1963, стр. 17, П I б 13.

⁶ Возможно, эта форма происходит от раннегеометрических кувшинчиков и, таким образом, является исконно коринфской, а не заимствованной с Крита, как предполагал Пэйн (Perachora, II, стр. 10—11; Corinth, v. VII, 1, стр. 15, 18, табл. 8, 48; 10, 63). Дж. Брок предполагает происхождение этой формы от восточных арibalлов, вероятно, изготовлявшихся из фаянса (J. R. B r o s k, Fortetsa, Camb., 1957, стр. 160).

язычки, а также растительные орнаменты различных форм, изображения животных, рыб и птиц, выполненные в наивно-непосредственной и в то же время изысканной манере ⁷.

Особенно хорошо видны эти изменения на примере арибаллов, объединенных Т. Данбэбином и М. Робертсоном в группу А (арибаллы с фигурами, переданными контуром), в которую можно включить хранящийся в Эрмитаже арибалл с рыбами ⁸. Эти сосуды, относящиеся к концу раннепротокоринфского периода (конец VIII в. до н. э.), иллюстрируют начальную ступень развития ориентализирующего стиля в коринфской вазописи и зарождение чернофигурного стиля (основные его элементы — полихромия и передача деталей гравировкой еще отсутствуют).

Рис. 1. Раннепротокоринфские арибаллы. Эрмитаж

Однако при сопоставлении раннепротокоринфских vaz с произведениями прикладного искусства Востока (сиро-финикийские, хеттские памятники) трудно связать со стилем последних новые черты, наблюдающиеся в коринфском архаическом искусстве. Не случайно поэтому многие исследователи считают, что восточные влияния проникали не прямо, непосредственно с Востока в Коринф, а из других центров (Крит, Кипр, Киклады) ⁹. Новые исследования критских и кикладских комплексов позволили, однако, снизить датировки критской и кикладской керамики и доказать, что влияния шли обратным путем — из Коринфа на Киклады и Крит ¹⁰. Сложность проблемы формирования ориентализирующего стиля в архаическом искусстве Коринфа признает

⁷ Monumenti Antichi, v. 22, Milano, 1913, табл. 42, 2, 3; 43,9; 44, 1, 7; 46, 4; 49, 4; Payne, Protokorinthische Vasenmalerei, стр. 12.

⁸ T. J. Dunbabin and M. Robertson, Some protocorinthian vase-painters, BSA, 48, 1953, стр. 173, № 2—4; Payne, Protokorinthische Vasenmalerei, табл. 5, 2, 3, 5, 6; 6, 1—8; J. L. Benson, Die Geschichte der korinthischen Vasen, Basel, 1953, стр. 13—14.

⁹ Johansen, ук. соч., стр. 64—66; Payne, Protokorinthische Vasenmalerei, стр. 11; он же, Necrocorinthia, стр. 5 сл.; E. Kunze, Kretische Bronzereliefs, Stuttgart, 1931, стр. 261—264; P. Demargne, La Crète dédalique, P., 1947, стр. 340 сл.; E. Will, Korinthiska, P., 1955, стр. 65 сл.

¹⁰ Brock, Fortetsa, стр. 219; он же, Excavations in Siphnos, BSA, 44, 1949, стр. 74—76; T. J. Dunbabin, The Early History of Corinth, JHS, 68, 1948, стр. 66; о влиянии коринфской вазописи на кикладскую см. J. Ström, Some groups of Cycladic Vase-painting from the seventh century B. C., «Acta Archeologica», København, 1962, v. 32, 2—3, стр. 226, 232, 235 сл.

Йохансен, отмечая, что новые мотивы, заимствованные из восточного искусства, пришли в Коринф уже эллинизованными, переработанными и готовыми влиться в сокровищницу греческой культуры¹¹. Однако отрицая роль Ионии как посредника в передаче восточных влияний в греческое архаическое искусство, Йохансен считает, что эту роль играли Кипр и Крит, в искусстве которых, кроме того, ощутимо влияние минойско-микенских изобразительных традиций. По мнению Дж. Брока, можно проследить некоторые влияния минойского искусства на критскую протогеометрическую керамику, но в более позднее время эти влияния проникают в значительной мере преобразованными уже с Востока. Небольшую роль Крита в формировании коринфского ориентализирующего искусства (вазописи) подтверждает также почти полное отсутствие критских ваз в Коринфе¹².

Исследуя критские комплексы с коринфской керамикой, Брок показал, что критские вазы поднеориентализирующего стиля встречаются вместе с коринфскими второй-третьей четверти VII в., а раннеориентализирующие полихромные пифосы вместе с имитацией коринфского скифоса последней четверти VIII в.; таким образом, самые ранние критские ориентализирующие вазы хронологически следуют за коринфскими¹³. Брок различает следующие три аспекта, характеризующие связи критского и коринфского искусства: 1) влияние критских изделий из металла (а позднее скульптуры); 2) общий источник восточных влияний (финикийские изделия из металла, слоновой кости, ткани); 3) начиная с VII в. и позднее влияние Коринфа на Крит¹⁴.

Формы и орнаментация коринфских ваз последней четверти VIII — начала VII вв.

до н. э. являются продолжением и дальнейшим развитием форм и изобразительных мотивов геометрического стиля, вероятно, испытавшего в поздний период влияние аттической вазописи¹⁵. Коринфская вазопись раннеориентализирующего периода отходит от строгой декоративности геометрического искусства, обогащаясь мотивами искусства Востока (изображения животных, птиц, растений). Однако в этот период восточные мотивы достигают Греции преобразованными и окрашенными влиянием микенского

Рис. 2. Арибалл с рыбами. Эрмитаж

¹¹ J o h a n s e n, ук. соч., стр. 64—66.

¹² B r o c k, Fortetsa, стр. 219; Ch. S t a r r, The origins of Greek civilization, 1100—650 B. C., L., 1961, стр. 217 сл.

¹³ B r o c k, Fortetsa, стр. 213 сл.

¹⁴ Там же, стр. 219; о связях Греции с Кипром в архаический период см. S t a r r, ук. соч., стр. 218; J. L. B e n s o n, рец.: Perachora, II, «Gnomon», Bd. 36, 4, 1964, стр. 402.

¹⁵ Своеобразным произведением позднегеометрической вазописи является кратер из некрополя Питекусс (Италия) с изображением кораблекрушения (центр производства пока не определен) — см. G. B u c h n e r, Figürlichbemalte spätgeometrische Vasen aus Pithekussai und Kyme, RM, 1953/54, 60/61, стр. 44—45. Бухнер сравнивает изображение корабля с аналогичными сценами на аттических вазах, к которым близок по стилю коринфский геометрический кратер из Фив (P a u n e, Protokorinthische Vasenmalerei, табл. 3). Изображение рыб, окружающих корабль, можно сопоставить с фигурами на раннеориентализирующих коринфских арибаллах. См. также F. M a t z, Geschichte der griechischen Kunst, I, Frankfurt am Main, 1950, стр. 65, 222, где стиль трактовки фигур на протокоринфском арибалле начала VII в. с похищением Елены Тесеем сопоставляется с росписью позднегеометрического аттического кратера со сценой похищения Парисом Елены.

искусства, которое отразилось также в сиро-финикийских и кипрских произведениях геометрического стиля ¹⁶.

Изучая произведения раннеархаической коринфской вазопиши, трудно четко проследить пережитки микенских традиций и отделить их от влияния образцов восточного микенизирующего искусства. Исследуя геральдические композиции на геометрических и раннеархаических критских вазах, Бенсон пришел к выводу, что изображения оглядывающихся назад птиц восходят не к композициям в филистимлянской керамике, как считал Пэйн, а непосредственно к микенским прототипам, оказавшим влияние на мотивы росписей филистимлянских и греческих, а также критских и кипрских vaz ¹⁷. Возможно, изображения оглядывающихся птиц с пальметовидным хвостом на геометрических и раннеориентализирующих коринфских вазах также восходят к композициям в микенском искусстве, хотя трудно утверждать, сохранялись ли микенские традиции в течение протогеометрического и геометрического периодов ¹⁸.

На примере росписей раннеархаических коринфских vaz можно убедиться в том, насколько сильно были преобразованы в греческом искусстве этого периода влияния восточных и микенских изобразительных традиций. Хочется обратить особое внимание на растительные мотивы, которые, как справедливо считает Иохансен, нельзя связывать исключительно с влиянием восточного искусства ¹⁹. На сиро-финикийских микенизирующих памятниках растительные мотивы, жизненно и выразительно переданные, оживляют общую композицию, органически вливаясь в нее. В росписи раннеориентализирующих коринфских vaz (ойнохой из Кум, пиксида из Гереона в Аргосе) мы встречаем геометрически-орнаментальную трактовку аналогичных растительных мотивов ²⁰. На тулове пиксиды из Аргоса растительные мотивы повторяются в ритме, соответствующем ритму меандров в верхней части вазы; на крышке орнаменты размещены по принципу осевой симметрии и превращаются в абстрактный узор из повторяющихся завитков и кистей. На ойнохах, поверхность которых расчленена, подобно геометрическим вазам, тулово не разделено на фриз и метопы, а украшено изображением одного или нескольких живописно расположенных растительных мотивов (рис. 3).

На раннеориентализирующих арибаллах встречаются стилизованные и геометризованные растительные орнаменты, которые используются для деления поверхности на метопы, сочетаясь с чисто геометрическими орнаментами (ромбы, меандр). Интересен орнамент, не имеющий по форме точных аналогий, использованный в росписи эрмитаж-единенных друг с другом ромбов с точкой в центре каждого; сбоку от углов ромбов от-

¹⁶ Можно сопоставить росписи ранних ориентализирующих арибаллов с микенизирующей филистимлянской керамикой конца II тыс. до н. э. (De m a r g n e, ук. соч., табл. 43,5; ср. табл. 44A). О микенизирующих сиро-палестинских изделиях из кости как микенских традиций в кипрской керамике см. Ю. А. С а в е л ь е в, Кипрская керамика конца II — первой половины I тысячелетия до н. э., СА, 1965, № 4, стр. 28 сл. Попытка Р. Гиришмана сопоставить некоторые раннеориентализирующие коринфские арибаллы с керамикой из некрополя Силла неубедительна (R. G h i r s h m a n, Perse. Proto-iraniens. Mèdes, Achéménides, P., 1963, стр. 335 сл.).

¹⁷ J. L. B e n s o n, A problem in orientализing cretan birds: mycenaean or philistine prototypes?, JNES, 1961, 20, 2, стр. 74—76; ср. Н. Р а у н е, Early greek vases from Knossos, BSA, 29, 1927, стр. 288 сл.

¹⁸ Фрагменты геометрических vaz: Perachora II, стр. 95—96, табл. 23, № 829; M. R o b e r t s o n, Excavations in Ithaca, V, BSA, 43, 1948, табл. 3, № 23, 63, 64; S. B e n t o n, Further excavations at Aetos, BSA, 48, 1953, стр. 280, табл. 9, № 783. Раннеориентализирующий арибалл с оглядывающейся птицей — см. Р а у н е, Proto-korinthische Vasenmalerei, табл. 6,2; о преемственности микенского и геометрического искусства см. B e n s o n, Die Geschichte der korinthischen Vasen, стр. 79; см. также M a t z, ук. соч., стр. 215 сл.

¹⁹ J o h a n s e n, ук. соч., стр. 58.

²⁰ Р а у н е, Protokorinthische Vasenmalerei, табл. 7,1—2; 7,3 (последняя ваза относится к началу VII в.: лучи у основания появляются после 700 г. до н. э.); табл. 8, 1—2 (орнамент частично восстановлен); см. К у н з е, ук. соч., стр. 133—135.

ходят кружки, образуемые продолжающимися сторонами. На вершине каждой цепочки ромбов мазками лака передан узор из трех тычинок. Несомненно, этот и подобные ему орнаменты, распространенные в вазописи Коринфа, Крита, Беотии и Киклад («цепочка ромбов»), представляют собой стилизацию восточного мотива «древа жизни», уходящего своими корнями в первобытную эпоху (энеолит) и связанного с магией плодородия²¹. Однако в искусстве Востока I тыс. до н. э. и в греческом ориентализирующем искусстве прямой магический смысл этого знака забыт, значение его чисто декоративное (в восточном искусстве мотив «древа жизни» часто является центром геральдических композиций)²².

Рис. 3. Ойнохои из Кум

С появлением и развитием чернофигурного стиля усиливается влияние искусства Востока на коринфскую вазопись (с начала VII в. до н. э.). Процесс ориентализации архаического искусства Коринфа явился закономерным результатом экономических и культурных связей с Востоком, установившихся, вероятно, с последней четверти VIII в. В настоящее время не только лингвистические и литературные свидетельства, но и находки восточных изделий в Коринфе и коринфской керамики на Востоке заставляют более внимательно отнестись к вопросу о восточных связях Коринфа. Большое значение при рассмотрении вопроса о ранних связях Коринфа с Сирией, Финикией, Египтом имеют результаты проводившихся в начале 30-х годов раскопок святилищ на мысу у Перахоры к северу от Коринфа²³. Находки из святилищ Геры Акрайи и Геры Лимении говорят о том, что с середины IX до середины VIII в. до н. э. связи Перахоры ограничивались в основном материковой Грецией (Коринф, Аргос)²⁴. Количество посвящений в основанный в середине VIII в. храм Геры Лимении значительно превышает находки в основанном в середине VIII в. храм Геры Акрайи: в святилище Геры Лимении найдены восточные и ориентализирующие изделия из слоновой кости, египетские фаянсовые изделия, ориентализирующие бронзы, а также керамика, происходящая из центров материковой Греции, малоазийского побережья и Этрурии, что свидетельствует о многообразных связях

²¹ А. К. Амброз, Раннеземледельческий культовый символ («Ромб с крючками»), СА, 1965, № 3, стр. 10—27, рис. 4; J o h a n s e n, ук. соч., стр. 59, рис. 34—39; К у н з е, ук. соч., с Abb. 22, 23.

²² Амброз, ук. соч., стр. 26—27; К у н з е, ук. соч., стр. 147 сл.

²³ Perachora, v. I, Oxf., 1940; Perachora, v. II, Oxf., 1962; С. П. Борисков-ска я, реп.: Perachora, II, СА, 1965, № 3, стр. 297 слл.

²⁴ Perachora, I, стр. 21, 33—34; Corinth, v. VII, 1, стр. 24, 26 сл., 32.

Коринфской области во второй половине VIII—VI вв. до н. э. Со второй половины VIII в. усиливаются связи Коринфа не только с центрами материковой Греции, но и с Кикладами, Эгиной и Родосом²⁵. Раскопки в Сирии и Киликии показали, что коринфская керамика проникает туда в конце VIII — начале VII в. до н. э.²⁶

Л. Вулли, С. Смит и Т. Данбэбин, рассматривая материалы раскопок греческого поселения Аль-Мина в устье Оронта и сопоставляя их со свидетельствами письменных

источников, пришли к выводу о возможности отождествления Аль-Мины с Посидейоном, основанным, по свидетельству Геродота, аргосцем Амфилохом²⁷. Смит предполагает, что связь Посидейона с Аргосом осуществлялась через Коринф, откуда, вероятно, проник в Сирию культ Посейдона. На существование этого культа указывает название Посидейон, встречающееся у Геродота и Страбона²⁸. К середине VII в. до н. э. протокоринфская керамика появляется в Мерсине (Киликия) и в центральной Анатолии (Богазкёй, Гордион, Пазарлы)²⁹.

О ранних связях Коринфа с Сирией свидетельствуют также находки сирийских изделий в Коринфе и святилищах Перахоры; из Коринфа происходит терракотовая статуэтка, изображающая богиню плодородия («Астарту»), видимо, сирийской работы и выполненная из коринфской глины в северосирийском стиле форма для терракотовой головки³⁰. Эта форма, как предполагает Т. Данбэбин, является наиболее древней из найденных в Коринфе и одной из древнейших среди аналогичных находок в других

Рис. 4. Арибалл с рыбами (растительный орнамент). Эрмитаж

центрах Греции. Возможно, форма была выполнена в Коринфе с привезенной туда сирийской головки или ее сделали сирийские мастера, которые, по предположениям некоторых исследователей, селились в Коринфе³¹. При раскопках святилища Перахоры Астарты (техника изготовления подобных терракотовых рельефов, оттиснутых в

²⁵ Will, *Korinthiaka*, стр. 52; Delos, XVII, табл. 53—54; Brock, *Excavations in Siphnos*, стр. 51, табл. 18; H. Dragendorff, *Thera II*, B., 1903, стр. 190 сл.; W. Kraiker, *Aigina*, B., 1951, стр. 13 сл.; Ch. Blinkenberg, *Lindos I*, B., 1931, табл. 49, № 1068, 1069; Dunbabin, *The Early History of Corinth*, стр. 64—66.

²⁶ M. Robertson, *The excavations at Al Mina, Sueidia*, IV. *The early greek vases*, JHS, 60, 1940, стр. 16—18, табл. IV; H. Goldmann, *Tarsus*, v. III, Princeton, 1963, стр. 308 сл.

²⁷ Her., III, 91; L. Woolley, *A Forgotten Kingdom*, L., 1959, стр. 159 сл.; S. Smith, *The Greek trade at Al Mina*, «*Antiquaries Journal*», 1942, стр. 99; Dunbabin, *The Early History of Corinth*, стр. 66.

²⁸ Strabo, C 751; T. J. Dunbabin, *The Greeks and their eastern neighbours*, L., 1957, стр. 27.

²⁹ R. D. Barnett, *Excavations at Mersin*, 1938—39, *The Greek pottery*, LAAA, 1940, v. 26, 3—4, стр. 110 сл.; G. M. A. Hanfmann, *Greek Archaeology in Asia Minor*, AJA, 1948, 52, 1, стр. 150, № 73; C. Clairmont, *Greek pottery from the Near East*, «*Berytus*», XI, 1954—55, стр. 85 сл.

³⁰ Dunbabin, *The Greeks and their eastern neighbours*, стр. 37—38, табл. VIII, 4, 5; VIII, 6, 7.

³¹ Will, *Korinthiaka*, стр. 69—71; R. D. Barnett, *Early Greek and oriental ivories*, JHS, 68, 1948, стр. 6.

форме, была заимствована из Сирии)³². Интересна также найденная при раскопках Перахоры превосходная головка из слоновой кости, выполненная в одном из ближневосточных центров (Барнетт связывает ее со стилем с головами сфинксов из Зинджирли)³³. Статуэтка, к которой принадлежала эта головка, по мнению Барнетта, была выполнена из различных материалов (голова, ноги и руки из слоновой кости, а задрапированная фигура из другого материала, т. е. в технике, распространенной в Финикии, Ассирии и, вероятно, других восточных центрах)³⁴. Некоторые другие изделия из Перахоры (статуэтки, печати) обнаруживают сильное влияние сиро-финикийского искусства и хотя центр их производства окончательно не выяснен (некоторые близки по стилю к фигуркам из храма Орфии в Спарте), возможно, они выполнены сирийскими мастерами³⁵.

В настоящее время мы не располагаем достаточным количеством источников, чтобы подтвердить выдвигавшиеся с начала XX века гипотезы о ведущей роли Финикии в восточной торговле с Грецией и, в частности, о поселении финикийцев (или сирийцев) в Коринфе³⁶. О связях с Финикией свидетельствуют, тем не менее, данные о мифах и культах, распространенных в Коринфе, по сообщениям Страбона, Павсания и других авторов. В Коринфе существовал культ Афродиты, сопровождавшийся храмовой протеституцией, однако его восточное (финикийское) происхождение многими оспаривается³⁷. Культ Геры Акрайи, проникший из Аргоса и связанный с культом и храмовыми легендами о Медее и убийстве ее детей, вероятно, сопровождался человеческими жертвоприношениями, подобно культу финикийской Астарты³⁸. Сохранились свидетельства о культе Афины *φωβία* в Коринфе, о почитании на Истме Меликерта (транслитерация финикийского имени Мелькарт)³⁹. Вероятно, эти восточные элементы религии и культуры стали проникать в Коринф во второй половине VIII в. в связи с усилением торговых и культурных сношений в Востоком; большую роль в передаче финикийских религиозных и художественных влияний сыграло греческое поселение в Аль-Мине и, возможно, Кипр, тесно связанный с Финикией⁴⁰. Однако многие конкретные вопросы, касающиеся ранних связей Греции с Финикией, в частности, вопрос о поселении финикийцев в Коринфе, до сих пор не выяснены.

В VII в. до н. э. усиливаются связи Коринфа с побережьем Малой Азии, Центральной Анатолией, Месопотамией и, возможно, Урарту. Об этом свидетельствуют упомянутые выше находки коринфской керамики во фригийских центрах, а также недавно опубликованные находки из древней Смирны, где широко представлена протокоринфская и коринфская керамика⁴¹. Находка луристанского бронзового изделия в Перахоре позволяет предполагать связи Коринфа с Урарту, искусство которого так же, как и сирийское, вероятно, оказывало влияние на произведения ориентализирующего искусства

³² Perachora, I, табл. 102, № 183а, стр. 231 сл.; см. также табл. 102, № 181, 182; R. J. R i i s, The Syrian Astarte plaques and their Western connections, «Berytus», 1949, IX, 2, стр. 84, № 5.

³³ B a r n e t t, Early Greek..., стр. 6, табл. 3с; Perachora, II, табл. 173, A 9.

³⁴ B a r n e t t, Early Greek..., стр. 6.

³⁵ Perachora, II, табл. 172, 174; R. M. D a w k i n s, The Sanctuary of Artemis Orthia at Sparta, L., 1929, табл. 139—168; J. B o a r d m a n, Artemis Orthia and Chronology, BSA, 58, 1963, стр. 4 сл.

³⁶ D u n b a b i n, The Greeks..., стр. 54; он же, The Early History of Corinth, стр. 66; W i l l, Korinthiaka, стр. 67—74.

³⁷ S t r a b o, C 378; P i n d. (ed. B. Snell), fr. 122; D u n b a b i n, The Greeks..., стр. 51—52; он же, The Early History of Corinth, стр. 66.

³⁸ D u n b a b i n, The Greeks..., стр. 53; ср. W i l l, Korinthiaka, стр. 114; И. Ш. Ш и ф м а н, Из истории финикийской торговли в Греции во второй половине II тысячелетия и в начале I тысячелетия до н. э., сб. «Проблемы социально-экономической истории древнего мира», М.—Л., 1963, стр. 92 сл.

³⁹ P a u s, I, 44, 11; D u n b a b i n, The Greeks..., стр. 53; W i l l, Korinthiaka, стр. 143—144, 169.

⁴⁰ D u n b a b i n, The Early History of Corinth, стр. 66; W i l l, Korinthiaka, стр. 67—74. Однако отсутствие кипрских изделий в Коринфе и немногочисленные находки протокоринфской керамики на Кипре свидетельствуют против гипотезы о проникновении в Грецию восточных влияний через Кипр.

⁴¹ J. K. A n d e r s o n, Old Smyrna. The Corinthian pottery, BSA, 53—54, 1958—1959, стр. 138—151.

Коринфа ⁴². По пути Урарту — Сирия — (Аль-Мина) — Коринф проникало в Грецию из района верхнего Евфрата — Северной Сирии хеттское влияние, сильно отразившееся в коринфском искусстве первой половины VII в. до н. э. ⁴³.

Исследуя связи архаического Коринфа с Востоком, мы сталкиваемся с большими сложностями, частично обусловленными недостатком материалов, которые представляют письменные и археологические источники. Существует тенденция умалить значение керамических находок как источника для представления о связях Коринфа с Сирией и другими областями как Востока, так и Запада ⁴⁴. Разумеется, единичные находки керамики далеко не обязательно указывают на существование регулярных торговых сношений с Грецией, но и этими материалами нельзя пренебрегать, тем более, что они относятся к тому периоду, когда производство коринфских ваз еще не стало массовым, а распространение далеко не повсеместным ⁴⁵. Свидетельства о связях Сирии с Коринфом подтверждаются также анализом произведений протокоринфской вазопиши первой половины VII в. до н. э.

Изучая первые протокоринфские чернофигурные вазы, можно увидеть, что их формы и тектонику, а также орнаментацию трудно связать с какими-то определенными восточными влияниями; формы и принцип деления на фриз, а также стиль некоторых росписей продолжают традиции геометрической вазопиши ⁴⁶. Однако анализируя изобразительные мотивы росписей, можно усмотреть среди них некоторые восходящие к восточным.

Пэйн и Акургал детально рассмотрели типы львов, встречающиеся в протокоринфской вазопиши, и доказали, что эти типы восходят к львам позднешеттского монументального искусства ⁴⁷. Сопоставление скульптурно выполненной головы льва среднепротокоринфского «арибалла Макмиллана» из Британского Музея с позднешеттскими скульптурами из Каркемиша и Тель-Тайната обнаруживает аналогичную передачу морды ушей (в виде сердца), пальметовидную стилизацию под глазами и аналогичную переднюю голову зверя восходит по своей тектонике к бронзовым котлам с протомами в сирен, быков и львов еще не решен: выдвигаются гипотезы об урартийском и северосирийских центрах ⁵⁰. Интересно, что изображения сфинксов на протокоринфском арибалле из Бостона первой четверти VII в. по силуэту голов близко напоминают бронзовые протомы голов сирен восточного происхождения ⁵¹. Изображения котлов с протомами

⁴² Perachora, I, стр. 138—139, табл. 44, 5; S m i t h, ук. соч., стр. 92—94, 102—104; S t a r r, ук. соч., стр. 208, 211; cp. W i l l, Korinthiaka, стр. 72; E. A k u r g a l, Orient und Okzident, Baden-Baden, 1966, стр. 193.

⁴³ S t a r r, ук. соч., стр. 211; E. A k u r g a l, Kunst Anatoliens von Homer bis archaic Greece, «The Aegean and the Near East», N. Y., 1956, стр. 236.

⁴⁴ R. M. C o o k, Die Bedeutung der bemalten Keramik für den griechischen Handel, JDAI, 74, 1959, стр. 114 сл.; J. B o a r d m a n, Greeks overseas, Harmondsworth, 1964, стр. 73.

⁴⁵ R o b e r t s o n, The excavations at Al Mina, стр. 18.

⁴⁶ Об устойчивости традиций геометрической вазопиши свидетельствуют многочисленные сосуды субгеометрического (линейного) стиля, одновременные лучшим полихромным чернофигурным вазам VII—VI вв. до н. э.

⁴⁷ P a u n e, Necrocorinthia, стр. 67—69; D u n b a b i n, The Greeks..., стр. 47; A k u r g a l, Kunst Anatoliens..., стр. 69.

⁴⁸ L. W o o l l e y and R. D. B a r n e t t, Carchemish, L., 1952, стр. III, табл. B 54b; D u n b a b i n, The Early History..., табл. XIV, 3; A k u r g a l, Kunst Anatoliens..., стр. 69, 179; A k u r g a l, Orient und Okzident, стр. 177 сл.

⁴⁹ E. A k u r g a l, Späthethitische Bildkunst, Ankara, 1949, стр. 76—78.

⁵⁰ O. W. M u s c a r e l l a, The Oriental origin of siren cauldron attachment, «Hesperia», 1962, v. 31, 4, стр. 317—329; A k u r g a l, Kunst Anatoliens..., стр. 68 сл.; B. B. П и о т р о в с к и й, Искусство Урарту VIII—VI вв. до н. э., Л., 1962, стр. 56 сл.

⁵¹ P a u n e, Protokorinthische Vasenmalerei, табл. 9, 5.

Рис. 5. Рисунок на арибалле «Мастера Корнето», найденном на Родосе

Рис. 6. Рельефы из Тель-Халафа

в виде голов грифонов, производившихся в Греции в VII в. до н. э. под влиянием восточных, встречаются на некоторых протокоринфских вазах начала VII в. до н. э.⁵²

Зависимость от восточных произведений особенно сильно чувствуется в росписях раннего чернофигурного стиля первой четверти VII в., в частности на вазах, выполненных «Мастером Корнето» (рис. 5), а также близком к ним по стилю арибалле из Гереона в Аргосе⁵³. Массивные неуклюжие фигуры львов, пантеры и быков с наклоненными вперед рогами, несомненно, появились на протокоринфских вазах под влиянием хеттской монументальной скульптуры: можно отметить близость их к рельефам орфостатов из

⁵² Там же, табл. 9, 3—4; H. Walter, *Korinthische Keramik*, AM, 74, 1959, стр. 59—60, Beil. 100. 2; 114, 1; P. Amandry, *Grèce et Orient*, «Études d'archéologie classique», I, 1955—1956, P., 1958, стр. 8—13.

⁵³ P. Aune, *Protokorinthische Vasenmalerei*, табл. 9, 6—7; 1—2; A. Kurgal, *Orient und Okzident*, стр. 177.

Тель-Халафа (рис. 6)⁵⁴. Характерна неуклюжая, деревянная постанова ног животных и лаконичная передача деталей врезанными линиями, в отличие от более дробной и сучковатой разработки в ассирийском искусстве. Изображение на арибалле, найденном на Родосе, собаки, нападающей на быка, близко по композиции и силуэту к аналогичному изображению из Тель-Халафа. К позднеехетским произведениям восходят также изображения некоторых фантастических существ в протокоринфской вазописи (Химера, Тифон, лев с вырастающей из спины человеческой головой)⁵⁵.

Вероятно, как считает Акургал, проникновение изобразительных мотивов позднеехетского искусства в Коринф можно объяснить непосредственным знакомством греков с монументальными произведениями, сохранившимися от более раннего времени⁵⁶. Вероятно, греки, проникавшие через Аль-Ми́ну в Северную Сирию, знакомились с произведениями северосирийского и финикийского искусства; некоторые влияния последнего можно проследить в протокоринфском искусстве (мотив парящих в воздухе птиц с повернутой вправо головой)⁵⁷.

В позднепротокоринфский и зрелый архаический периоды усиливается влияние хетского ассирианизирующего и ассирийского искусства на коринфскую вазопись и скульптуру (последнее наблюдается впервые в росписи «вазы Киджи») ⁵⁸. С ассирийскими художественными влияниями связаны широко распространенные в коринфском искусстве образы фантастических существ — сфинксов, сирен, крылатых львов и павтер, тритонов, растительные мотивы (массивные розетки, орнаменты из соединенных лотосов и пальметок), а также стиль построения геральдических композиций и некоторые сюжетные сцены⁵⁹. Можно усмотреть влияние ассирийских или восточных ассирианизирующих произведений в трактовке фигур львов, быков, коней и других животных в коринфской вазописи и скульптуре⁶⁰. Хотя в конце VII в. до н. э. в основном заканчивается освоение богатой сокровищницы восточных образов, коринфские мастера продолжают использовать ориентализирующие мотивы вплоть до середины VI в., т. е. до времени упадка чернофигурной вазовой живописи⁶¹. Сильное влияние ассирийского искусства находится в прямой связи с усилением внешних сношений Коринфа при тиранах, с развитием торговли с Востоком, откуда, вероятно, привозились ткани, изделия из металла и слоновой кости.

Во второй половине VII—первой половине VI в. до н. э. процесс освоения сокровищницы восточного искусства наблюдается в других областях Греции (Аргос, Спарта, Аттика, Беотия), в восточногреческих центрах и захватывает Этрурию⁶². Восточные художественные влияния сыграли большую роль в формировании изобразительных традиций греческого архаического искусства, подготовившего его расцвет в классическую эпоху.

Таким образом, анализируя произведения коринфского архаического искусства конца VIII—VI вв. до н. э., можно увидеть, что только в немногих из них можно выя-

⁵⁴ F. v. Oppenheim, *Der Tell Halaf*, Lpz, 1931, табл. 19b, 22b; M. Riem-schneider, *Von Olympia bis Ninive im Zeitalter Homers*, Lpz, 1964, стр. 110, 140.

⁵⁵ D. B. D. Barnett, *Greeks and their eastern neighbours*, стр. 55, табл. XV, 1; XV, 2.

стр. 55—57; Barnett, *Ancient oriental influences...*, стр. 215 сл.; A. Kurgal.

⁵⁶ E. A. Kurgal, *Die Kunst der Hethiter*, Münch., 1961, стр. 105; T. J. D. B. Barnett, *The Chronology of protocorinthian vases*, *Εφημερίς Ἀρχαιολογική*, 1953/4, II.

1958, стр. 256 сл.

⁵⁷ Payne, *Protokorinthische Vasenmalerei*, табл. 11, 1, 3; Riem-schneider, *ук. соч.*, стр. 112; Oppenheim, *ук. соч.*, табл. 19a; R. D. Barnett, *A Ca-*

talogue of the Nimrud ivories, L., 1957, табл. 33—34.

⁵⁸ J. H. Hansen, *ук. соч.*, табл. 39, 40; Payne, *ук. соч.*, табл. 27—29.

⁵⁹ Payne, *Necrocorinthia*, стр. 53, 89—91; Barnett, *Ancient oriental influ-*

ences... О влиянии композиции ассирийского рельефа из Ниневии на изображения пир-

шественных сцен на коринфских вазах см. Payne, *Necrocorinthia*, стр. 118.

⁶⁰ Payne, *Necrocorinthia*, стр. 67 сл.; G. R. Rodenwaldt, *Korkyra II*, B.,

1939, стр. 189.

⁶¹ Payne, *Necrocorinthia*, стр. 65—66.

⁶² Об этруском ориентализирующем искусстве см. W. L. Brown, *The Etruscan*

Lion, L., 1960.

вить четко определенные восточные художественные влияния. Это часто объясняется тем, что восточные мотивы проникают в Грецию, не прямо, а из других центров. Кроме того, мы не располагаем достаточным количеством материалов, чтобы проследить все последовательные этапы освоения восточного художественного наследия. За некоторыми исключениями мы наблюдаем восточные мотивы сильно переработанными и эллинизованными, переплетающимися с традиционными мотивами геометрического искусства⁶². Не случайно поэтому восточные влияния прослеживаются почти исключительно в росписях и скульптуре с изображениями зверей и растительных мотивов, стиль исполнения которых именуются ориентализирующим. Восточные влияния почти не затрагивают изображений сюжетных сцен с человеческими фигурами⁶³.

В VIII—VI вв. до н. э. в искусстве Греции совершается сложный процесс формирования новых изобразительных традиций, художественного осмысления образов мифологии и реальной жизни, получивший свое завершение в искусстве классики V—IV вв. до н. э. Творчески осваивая богатую сокровищницу тем и образов восточного искусства, греки не были только имитаторами, копировавшими те или иные композиции восточных памятников. Произведения греческого архаического искусства постоянно поражают своеобразием, оригинальностью, свежестью и непосредственностью впечатления. Их изучение позволяет более широко и полно представить художественную жизнь Греции VIII—VI вв. до н. э.

С. П. Борисовская

THE ORIENTALIZING STYLE IN THE ART OF ARCHAIC CORINTH

by S. P. Boriskovskaya

Protocorinthian painted pottery is the basic source for studying the early Archaic art of Corinth. Early Protocorinthian vase-painting of the last quarter of the eighth and beginning of the seventh century B. C. represents a further development of Geometric, enriched by the influence of Attic vase-painting and eastern Mycenaean art, the motifs of which were strongly modified by the Greek masters. Intensification of the eastern influence on Corinthian vase-painting in the first half of the seventh century was a natural result of the economic and cultural contacts established between Corinth and the East in the last quarter of the eighth century. These contacts are attested by mention in literary sources of the cults of eastern divinities which were popular in Corinth, by finds of eastern and orientalizing objects in Corinth and in Perachora shrines, and also by finds of early Corinthian ceramics in eastern centres, first of all in Al-Mina, the Greek settlement at the mouth of the Orontes. The style of middle Protocorinthian ceramics reveals a close relationship with products of late Hittite and Phoenician art, which may be accounted for by direct acquaintance with eastern monuments. The influence of Assyrian representational motifs is already strong in the second half of the seventh century and played an important role in forming the traditions not only of vase-painting, but also of the monumental art of the Ripe Archaic period. The author objects to the exaggeration of eastern influence on the Archaic art of Corinth, noting that oriental motifs are much reworked, Hellenized and interwoven with the traditions of Geometric and Mycenaean art.

⁶³ О влиянии сирийского искусства на греческую скульптуру VII в. см. А к и г а 1, *Orient und Okzident*, стр. 174 слл.